АРТИСТЫ УЛЫБАЮТСЯ

К ПРОИСШЕСТВИЮ НЕ ПРИЧАСТЕН...

— ЭТА история вполне годится под рубрику «артисты улыбаются», которая недавно появилась на страницах «Вечерки», — начал свой рассказ Леонид Осипович Утесов.

Дело было в начале 30-х годов. «Джаз веселых ребят» шумно входил в моду, а фамилия «Утесов» часто появлялась на страницах газет. Мы в свою очередь изо всех сил старались оправдать тот интерес любителей джаза, который стихийно обрушился на наш оркестр. И вдруг, как гром среди ясного неба, по Одессе расползся слух о дерзком ограблении магазина, в котором принимал участие... Леонид Утесов. Сплетня, точно ком, пущенный с горы, стала обрастать многими пикантными подробностями. «Очевидцы» рассказывали, что весь оркестр при инструментах после концерта каждый вечер отправляется «на дело». Кое-кто даже уверял, что в саксофоны мы вмонтировали отмычки, а в барабане прячем новейшей конструкции гиперболоид. Пришлось срочно вернуться в Одессу и дать два внеплановых концерта.

На сцену мы выходили жизнерадостными, бодрыми. Страсть как не хотелось предоставлять возможность злым языкам тут же в антракте сложить новую версию о том, что мол, музыкантов выпустили из тюрьмы на несколько концертов для того, чтобы покрыть расходы, связанные с ограблением магазина. Оркестр в эти вечера играл с особым блеском и старанием. Нам дружно аплодировали, но в то же время я не мог отделаться от ощущения холодка и отчужденности со стороны партера. А потом разразилась настоящая гроза...

Леонид Осипович поднимается из-за стола, подходит к книжному шкафу и извлекает из него старый, с пожелтевшими вырезками альбом.

— Так вот, одна из газет под рубрикой «Происшествия» напечатала заметку, в которой черным по белому значилось, что известный в уголовном мире преступник Леонид Утесов, долгое время скрывавшийся под видом музыканта, наконец обезврежен мужественными работниками уголовного розыска и вскоре предстанет перед судом. Друзья и товарищи беззлобно подсмеивались надо мной, а любители сплетен развили такую бурную деятельность, что пришлось в одной из реприз со сцены объяснять зрителям, что «тот Утесов и этот Утесов — разные люди...». Зрители слушали, вежливо улыбались, но знаете одесситов: во многих глазах я читал: «Мол, что бы ты ни говорил, а газете мы верим больше!».

Вскоре оркестр отправился в гастрольную поездку по стране. Как-то по дороге из города в город я оказался в купе с одним из работников следственных органов. Мы разговорились, как это часто бывает в поезде. И я, протягивая руку, представился: Утесов.

— Не разыгрывайте меня, дорогой товарищ, — сухо сказал еще минуту назад любезный работник прокуратуры. — Не далее как неделю назад один из моих родственников был на процессе, где Утесова судили за ограбление кассы.

— В Одессе? — надеясь на розыгрыш, спросил я.

— В Ленинграде, — педантично ответил представитель юстиции. И он тут же достал из бумажника газетную вырезку с сообщением...

— И вы до сих пор уверены, что это тот Утесов, который поет: «Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали...». — Я запел, стараясь как можно дольше тянуть верхнее «до».

— Вот-вот, — оживился вдруг прокурор. — Когда тот «артист» появился в кассе, он тоже для пущей убедительности спел куплетик из этой песенки, а потом выхватил из-за пазухи самодельный обрез.

Остальную часть дороги мы ехали молча. Мне не хотелось доказывать, что «он» — это не я. Это всегда унизительно. И в то же время было досадно, что кто-то из моих однофамильцев («Надо же, такое совпадение, — рассуждал я про себя. — И зовут Леонидом. И фамилия — Утесов») так опорочил наше имя.

Леонид Осипович неторопливо перелистал несколько страниц и, отыскав нужную заметку, придвинул альбом ко мне.

В самом конце газетной полосы я прочел небольшое объявление, напечатанное мелким шрифтом: «Макаревич Степан Степанович, уроженец Гродненской губернии Пружанского уезда села Блудень (с женой) меняет фамилию Макаревич на Утесов. Имя Степан на Леонид».

Леонид Осипович перекинул еще одну страницу, и я увидел с дюжину подобных объявлений, где говорилось, что и Игнатьев, и Пархоменко, и Федотов, и Суржиков, и... еще несколько десятков человек меняли свои фамилии на фамилию полюбившегося артиста, певца, музыканта.

— И в этом не было ничего предосудительного, — заканчивая свой рассказ, сказал Леонид Осипович. — Но находились и некоторые отпетые элементы, которые, сменив фамилию на Утесова, занимались далеко не музыкальными делами. А сплетники, которые и сегодня не перевелись, охотно раздували «пожар».

Вит. ЗАСЕЕВ.

«ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА» МОСКВА
13 ДЕК 1988